

ТАУТАРИНСКИЙ ТИП (К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ХРОНОЛОГИИ)

© 2017

Дмитриев Евгений Анатольевич, младший научный сотрудник
Сарыаркинского археологического института
Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова
(г. Караганда, Республика Казахстан)

Аннотация. Процессы ассимиляции и интеграции между культурами андроновской общности, несмотря на длительную историю изучения, до сих пор вызывают непреходящий интерес, связанный с целым спектром проблемных вопросов, одними из которых остаются сложение и хронологическая позиция таутаринского типа, известного по памятникам Южного Казахстана. В настоящее время полевыми исследованиями были накоплены новые материалы, позволившие значительно расширить характеристику типа и подвергнуть сомнению его традиционную хронологию, а также более детально рассмотреть компоненты сложения и направленность межкультурных связей.

В рамках данной статьи приводятся результаты статистического анализа погребального обряда и описание предметного мира по материалам 5 могильников (Таутары, Киикты, Шербай 1–3), которые отражают взаимодействие трех групп населения: федоровского (руководящего), кожумбердынского и среднеазиатского.

Касаясь вопроса датировки, считаем необходимым пересмотреть ранее предложенные временные рамки, не соответствующие уровню современного знания по исследуемой проблематике, и принять осторожный, но широкий временной интервал – первая половина II тыс. до н.э., который основан на сопоставлении с современной радиоуглеродной хронологией федоровской культуры, древностей кожумбердынского и кульсайского типов, а также по аналогиям лапчатым привескам в датированном комплексе могильника Кызылбулак I.

Ключевые слова: Южный Казахстан; Средняя Азия; эпоха бронзы; таутаринский тип; кожумбердынский тип; кульсайский тип; федоровская культура; Бактрийско-Маргианский археологический комплекс; синкретические комплексы; Таутары; Киикты; Шербай 1–3; могильник; погребальный обряд; кремация; трупоположение; керамический комплекс; предметный мир.

Таутаринский (таутарынский) тип был выделен М.П. Грязновым в 1970 году [1, с. 37], а как целостная группа памятников наиболее полно охарактеризован Е.Е. Кузьминой [2, с. 289–292]. В физико-географическом плане он занимает территорию долины реки Сырдарья (в районе г. Туркестан) и склоны хребта Каратау в Южном Казахстане.

Долгое время таутаринский тип насчитывал два могильника: Таутары [3, с. 37–55] и Киикты. В 2000 г. Туркестанской археологической экспедицией в 5 км южнее Туркестана исследованы 15 погребений комплекса памятников Шербай (некрополи Шербай 1–3) [4], материалы которых значительно расширили характеристику типа, уже, безусловно, существующего как явление. В результате назрела необходимость пересмотреть ряд прежних положений, связанных с генезисом и хронологией, которые с накоплением фактического материала и его аналитической обработкой стали не актуальными.

Своеобразие могильников Таутары и Киикты обусловило неоднозначность интерпретаций. С позиции историографии можно выделить несколько точек зрения по их культурной атрибуции и датировке. Так, полученные на некрополе Таутары материалы (прежде всего керамический комплекс) были рассмотрены А.Г. Максимовой в качестве переходных от федоровских к алакульским или, возможно, соответствовали началу алакульского этапа [3, с. 55], что согласовывалось с доминирующей концепцией андроновского культурогенеза, предложенной К.В. Сальниковым, по которой андроновская культура прошла несколько последовательных, генетически связанных этапов в своем развитии (федоровский, алакульский, замараевский) [5, с. 325].

В 1970 г. вышла статья М.П. Грязнова, посвященная анализу материалов могильника Таутары, в ко-

торой автор, соглашаясь с выводами А.Г. Максимовой о переходном характере материалов памятника и, возможно, даже соответствующих началу алакуля, предложил выделение таутарынского типа, с ареалом от дельты Амударьи до высот Тянь-Шаня. Причем предполагалось, что группа населения, оставившая эти памятники, обитала там еще до того, как андроновские племена вступили в алакульский этап развития своей культуры [1, с. 39].

В середине 70-х гг. курганным отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в ущелье Бес-Арык был раскопан могильник Киикты, материалы которого, по мнению авторов раскопок, соответствовали алакульскому этапу андроновской культуры [6, с. 33].

Более обстоятельно и целостно подошла к интерпретации этих ярких памятников Е.Е. Кузьмина, по мнению которой, могильники Таутары и Киикты отражают процессы ассимиляции и интеграции андроновских племен и сформировались в результате взаимодействия алакульского и федоровского населения (при господстве последнего), на что указывают «...немногочисленные банки, горшки с округлым плечом и уступом, орнаментированные по прямой или по косой сетке; оба приема сочетаются иногда даже на одном сосуде» [2, с. 292].

В обобщающей монографии, посвященной памятникам бронзового века Жетысу и Южного Казахстана, К.М. Карабаспакова в вопросе культурной принадлежности могильника Киикты поддержала выводы непосредственных авторов работ на памятнике, считая, что по основным характерным чертам (погребальных сооружений-секций и керамике с уступчатым плечиком) он одновременен позднеалакульским памятникам Центрального Казахстана. Причем погребения в грунтовых ямах с 1–2 плитами вдоль ко-

ротких стен, как в Киикты, известны на могильнике Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, откуда происходит и серия аналогичной керамики [6, с. 118, 120].

Дополнили характеристику типа исследованные комплексы Шербай 1–3, материалы которых, по мнению Е.А. Смагулова и С.Р. Баратова, в декоративном убранстве и формам большей части керамических сосудов аналогичны географически ближайшим могильникам Таутары и Арпа и территориально должны относиться к таутаринскому типу федоровской линии развития [4].

Погребальный обряд таутаринского типа.

Надмогильные сооружения представляют собой простые земляные курганы (Шербай 1), безнасыпные ограды прямоугольной, квадратной и округлой форм (Таутары, Киикты), исследован один курган с каменным ограждением (Таутары), а также погребения, не обозначенные на поверхности постройками (Шербай 1–3). Большая вариативность формы и конструкции, думается, объясняется этнокультурной разнородностью оставившего их населения.

Суммарно в группе изучено 44 захоронения, которые совершены преимущественно в простых грунтовых ямах (34 сл.), в качестве исключения в цистах (4 сл.), ямах-ящиках (3 сл.), простых ящиках из плит (2 сл.) и катакомбе (1 сл.). Причем грунтовые могилы характерны почти для всех памятников типа, кроме Кииктов. Показательно, что на территории ближайшего ареала федоровцев, т.е. в Центральном Казахстане, простые ямы отмечены 40 раз и, прежде всего, связаны с компактной группой памятников Ботакара, Дандыбай, Шерубай 1, Жиланды и южнее расположенным могильником Бугулы 1. Широко известны они также в алакульских [2, с. 115–159], кожумбердынских [7] и кульсайских комплексах [8].

Отдельно необходимо остановиться на катакомбе с кладкой из сырцовых кирпичей во входной яме могильника Шербай 3. Аналогичные по устройству погребения известны в материалах северного варианта Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее БМАК) – сапаллинской культуре Южного Узбекистана [9, табл. 2: I, табл. 3: I]. Показательно, что в шахтных гробницах Гонура, после совершения обряда захоронения, вход в подбой также закрывался кладкой из одного-двух рядов кирпичей. Причем традиция устройства простых катакомб известна в этом регионе начиная с сумбарской культуры [10, с. 13, 16], позднее она дополнилась сырцовой кладкой во входной яме. Отсутствие аналогичных по конструкции могил в степных районах Казахстана, а также в Южном Зауралье и Сибири указывает на среднеазиатское влияние.

Фиксируемые на могильнике Киикты цисты маркируют присутствие федоровских этнокультурных групп. К примеру, у петровцев и алакульцев Центрального Казахстана они вообще не известны. Касаясь вопроса распространения цист, необходимо отметить мнение В.И. Сарияниди, который связывал их появление в Маргиане, а также в Центральной Азии в III тыс. до н.э. с миграцией населения из территории по среднему течению Евфрата (Тилмен, Кархемиш, Барсип, Лидар) [10, с. 22].

В настоящее время исследованиями в монгольском и казахстанском Алтае были выявлены самые ранние центральноазиатские погребальные камеры

такой конструкции в материалах чемурчекских комплексов [11, рис. 22, с. 28, рис. 23, с. 29]. Согласно радиоуглеродному датированию, основная масса чемурчекских комплексов также относится III тыс. до н.э. [11, с. 148].

Учитывая разные истоки обеих культурных традиций (чемурчекской и БМАК) и отсутствие аргументированной гипотезы происхождения федоровской культуры, появление традиции устройства цист у последних пока остается открытым.

В ориентировке погребальных камер доминирует широтная ось (19 сл.), реже отмечена юго-запад – северо-восточная (8 сл.), северо-запад – юго-восточная (8 сл.), запад-юго-западная – восток-северо-восточная (3 сл.), запад-северо-западная – восток-юго-восточная (2 сл.), север-северо-западная – юг-юго-восточная (2 сл.).

В выборе способов обращения с телами умерших таутаринский тип характеризуется биритуализмом в широком смысле. При этом кремация (29 сл.) преобладает над труположениями (11 сл.) – 71,8 и 28,2% соответственно. Установлено, что сожжение производилось на стороне с помещением кальцинированных костей в могилу. В нескольких случаях можно предполагать наличие кенотафов (Шербай 1, 2).

Воспринимать кремацию в качестве исключительно федоровского обряда, а труположение как свойственное культурам алакульской линии развития будет неверно. Широкомасштабные полевые исследования накопили материал, позволяющий констатировать у федоровцев равноценное присутствие обоих обрядов, причем их территориальное распространение наводит на мысль о существовании этнокультурных групп с противоположными способами погребения. В данном конкретном случае доминирование труположений на могильнике Киикты не является аргументом против наличия там федоровского компонента, к слову, фиксируемого по керамической коллекции.

Установить позу, ориентировку погребенных довольно проблематично ввиду сильного ограбления захоронений. Во всех трех зафиксированных случаях умершие уложены скорченно на левом боку и ориентированы головой на запад, восток и юго-восток. Видимо, на восточную ориентировку указывают также некоторые погребения с кремацией могильника Таутары, что определяется по расположению сосудов в могиле, которые обычно устанавливались в изголовье.

Довольно интересно, что восточное направление не характерно для федоровки, как, впрочем, и для культур алакульской линии развития, хотя отмечены отдельные группы с восточной ориентировкой – Кенжеколь I [12], тобольский вариант алакульской культуры [2, с. 135]. В сопредельном регионе, высокогорной зоне Заилийского Алатау на могильнике Кызылбулак I, относящемуся к кульсайскому типу [8, рис. 20], восточное направление является доминирующим. Характер кульсайских древностей выглядит также синкретическим при доминировании федоровских черт и, видимо, несет среднеазиатское влияние в виде большого количества неорнаментированных сосудов. В самой Средней Азии погребения с восток-северо-восточной ориентировкой преобладают, к примеру, на некрополе Гонур у группы погребенных, уложенных на правом боку [10, с. 14].

Отличительной особенностью обрядности таутаринского типа является обильная посыпка кальцинированных костей и дна могильной ямы охрой (Шербай 1, 2, Таутары). Такая традиция в федоровской культуре не выражена и зафиксированные случаи довольно уникальны. В Центральном Казахстане они выявлены на могильниках Сангуыр 2 [13, с. 55], Тасырбай 2 [14, с. 4] и Котанэмель 1 [15, с. 116]. Показательно, что в погребении с посыпкой кремации охрой в Сангуыр 2 обнаружен бронзовый браслет с литыми коническими «рожками» [13, таблица II: 1], аналогичный по форме и технологии изготовления экземплярам из некрополя Шербай 3 [4, рис. 9: 12–14].

Интересно, что широкое использование охры в погребальном обряде характерно для могильника Бустон VI [9, табл. 14] сапаллинской культуры, что, в свою очередь, может стать объяснением наличия охры в погребениях таутаринского типа.

Зафиксированные в 13% могил древесные угольки на некрополе Таутары вполне могут являться продуктами горения при кремации останков умерших и не связаны непосредственно с культом огня.

Отмечено, что у этнокультурных групп Южного Казахстана отсутствует традиция, связанная с жертвоприношениями животных, проведением тризн, а также помещением мясной напугивной пищи.

Сопроводительный инвентарь представлен преимущественно украшениями: лапчатые и овальные подвески, обоймочки, колечки (Таутары), пастовые (Таутары, Шербай 3), серебряные и бронзовые (Шербай 3), из стекловидной массы бусы, серьги с трубчатым приемником, плакированные золотом (Таутары), бронзовые браслеты с литыми спиралевидными рожками, петелька бронзового зеркала, бронзовые выпукло-вогнутые браслеты с разъемными концами, серьги с раструбом в виде свернутой откованной уплощенной пластины, бронзовые конические бляшки-нашивки. Довольно интересен позолоченный или посеребренный бронзовый браслет, инкрустированный железом и имеющий припаянные разъемные концы. В месте припайки приварены или наклепаны перлы из железа. Такие же перлы приварены по четырем углам широких плоских концов (Шербай 3).

Из орудий можно отметить ножевидную пластину (Киикты), кремневый ретушер, фрагмент наковаленки из серого песчаника (Шербай 3).

Лапчатые подвески известны на обширной территории Урало-Енисейского региона, наличие которых в не карасукских комплексах традиционно воспринимается в качестве их влияния и используется для синхронизации. Аналогичные таутаринским подвески известны на могильниках Кызылбулак I (высокогорная зона Заилийского Алатау, кульсайский тип) [8, рис. 6: 8–11], Койшоки II (Центральный Казахстан, федоровская культура) [16, с. 82, рис. 54: 3, 4], Аксу-Аюлы I (Центральный Казахстан, алакульский?) [17, с. 125, табл. XII: 2], Бегазы (Центральный Казахстан) [17, с. 138, табл. XIII – 2], Боровое (Северный Казахстан, федоровская культура) и др. [18, рис. 226: 58–62, 65–69].

Бронзовые браслеты с литыми спиралевидными рожками обнаружены, помимо упоминавшегося выше могильника Сангуыр 2, в комплексах памятников Аурахмат, Искандер (Средняя Азия) [19, рис. 54: 21–

23, 25, 27–29] и относятся к металлопроизводству федоровских племен, причем отливка производилась в двустворчатых литейных формах [19, с. 69], а присутствующие в Шербае 3 серьги с раструбом являются еще одним диагностирующим маркером федоровцев.

В погребения устанавливали от 1 до 6 (чаще 2, 3, 5) сосудов, что может указывать на связь со Средней Азией, где характерно было помещать в могилу гораздо большее количество сопроводительной утвари.

Керамический комплекс насчитывает, по нашим данным, 104 сосуда, из которых 91 экземпляр составил статистическую выборку для данной статьи. Абсолютное большинство принадлежит горшкам (85 экз.), редки банки (4 экз.), кружка (1 экз.) и курильница вазовидного облика (1 экз.).

Горшки имеют в основном плавную профилировку, реже уступчатый и, как исключение, ребристый профиль. Орнамент наносился по прямой и косой сетке, зубчатым и гладким штампом. Соблюдается зональность расположения мотивов: чаще двухзональный, реже трехзональный. В двух случаях дно было покрыто левосторонней свастикой (Таутары). Отличительной интегрирующей чертой является наличие у части сосудов неорнаментированной полосы по шейке. Это явственно указывает на алакульско-кожумбердынское влияние, причем с территории района Южное Зауралье – Мугоджары – Северный Казахстан, т.к. в Центральном Казахстане для алакульских этнокультурных групп она была не свойственна.

Орнамент представляет в композиционном плане сочетание треугольников, П-образных фигур, меандров, флажков, уголков, зигзагов, хороводов свастики и Х-образных фигур, усложненных отрезками. В плане вариативности выделяется комплекс Шербая 1–3, в котором большое количество сосудов покрыто так называемым «ковровым» орнаментом.

Необходимо отметить, что хоровод свастики известен в кожумбердынских памятниках Тасты-Бутах 1 [7, табл. XLIV: 11; табл. LIX: 113–115], Новый Кумак [2, рис. 108: 5, 6], Хабаровое [2, рис. 109: 7] и в Центральном Казахстане на могильнике Жиланды (федоровское погребение) [20, рис. 3: 1], а наличие усложненных Х-образных фигур также характерно для кожумбердынского орнаментального комплекса [2, с. 253]. Причем один из сосудов специфичной формы с орнаментированной крышкой имеет широкие аналогии на могильнике Тасты-Бутах 1 [7, табл. LVI: 87, табл. LIX: 116, табл. LX: 119].

Показательно, что в комплексе имеются и неорнаментированные сосуды (20 экз.).

Банки подразделяются на две группы: открытые (3 экз.) (Таутары) и закрытые (1 экз.) (Шербай 1).

Довольно специфические формы посуды [4, рис. 12] обнаружены в погребении 2 могильника Шербай 3, которое представляло собой заложенную сырцовыми кирпичами катакомбу. В погребении были расчищены экземпляры федоровского облика, в сопровождении сосудов, имитирующих среднеазиатские формы, к таковым можно отнести кружку с ручкой, вазовидной формы курильницу на высоком поддоне, а также обнаруженные в других захоронениях неорнаментированные горшки с сильно раздутым туловом и суженной прямой высокой шейкой [4,

рис. 3–4, рис. 7: 3, 9, 17, рис. 8: 7, 11], близкие экземплярам Гонура, Бустона VI и т.д. [10, с. 46, рис. 12; 9, табл. 2, 4–6, 8, 9; 21, с. 121, рис. 51].

Датировка могильников таутаринского типа, как было проиллюстрировано выше, зависит от концептуальных представлений исследователей. Согласно К.М. Карабаспаковой, могильник Киикты по основным характерным чертам (погребальные сооружения-секции, керамика с уступчатым плечиком) имеет параллели среди позднеалакульских памятников Центрального Казахстана, а захоронения в грунтовых ямах, как в Тасты-Бутак 1, указывают на второй этап алакульской культуры (согласно В.С. Сорокина). Следовательно, временные рамки укладываются на заключительную стадию алакульской культуры, которая датируется XIV–XIII вв. до н.э., что согласуется с периодизацией в Центральном Казахстане и Притоболье [6, с. 118, 120]. Таким образом, как пишет К.М. Карабаспакова, наиболее вероятная дата могильника Киикты – конец XIV–XIII вв. до н.э., так как в XII в. до н.э. в Центральном Казахстане получают распространение бегазы-дандыбаевская и саргаринско-алеекеевская культуры. В этот же период, по-видимому, существовал и могильник Таутары, который отличается наибольшим сходством с могильником Киикты. Для него характерно смешение алакульских и федоровских черт, что также подтверждает датировку, так как именно в конце XIV–XIII вв. до н.э. происходит смешение племен – носителей этих двух разных традиций [6, с. 20].

Согласно Е.Е. Кузьминой, таутаринский тип датируется по находкам височного кольца без раструба и лапчатых карасукских подвесок XIV–XIII вв. до н.э., а Киикты – скорее только XIII в. до н.э., учитывая деградацию орнамента. Также в обоих комплексах найдены кубкообразные сосуды, характерные для эпохи поздней бронзы, и сосуды индивидуальных форм, сопоставимые со среднеазиатскими типами конца II тыс. до н.э. [2, с. 292].

Результаты современных исследований позволяют по-новому взглянуть на хронологию таутаринского типа. Называть могильник Киикты алакульским в корне неверно, он типологически близок памятникам Тау-Тары, Шербай 1–3, составляя один, единый синкретический таутаринский тип. В его сложении руководящая роль принадлежала федоровской культуре, менее выражены кожумбердынские черты, которые проявляются во всех памятниках группы. Вследствие чего аргументацию хронологии по могильнику Киикты К.М. Карабаспаковой можно считать полностью снятой. Слабо аргументирована датировка могильника Таутары поздним временем на основании «смешения алакульских и федоровских черт ... так как именно в конце XIV–XIII вв. до н.э. происходит смешение племен – носителей этих двух разных традиций» [6, с. 120], поскольку опирается на наличие в смешанных комплексах «карасукских» лапчатых привесок, к которым мы вернемся ниже.

Полевыми исследованиями XXI в. в Центральном Казахстане было установлено, что прототипами кубкообразных сосудов позднего бронзового века могут являться аналогичные по форме изделия из могильников петровского – раннеалакульского типа Ащису [22] и Нураталды I [23; 24], самые ранние бронзовые

кубкообразные сосуды степного пояса Евразии. В результате мы имеем реальные прототипы позднебронзовых кубков, но датирующихся первой четвертью II тыс. до н.э.

В настоящее время интерпретация лапчатых привесок как украшений карасукской культуры или связанных с их влиянием является доминирующей. Однако, по мнению автора, назрела необходимость пересмотра сложившегося мнения, т.к. полевые исследования последних лет подрывают незыблемость данного предположения. Не вдаваясь в рамках данной статьи в проблематику вопроса, отметим, что некоторые комплексы с лапчатыми подвесками получили радиоуглеродные определения, которые уместно привести. Так, на могильнике Кызылбулак 1, расположенном в высокогорной зоне Заилийского Алатау, из ограды 38 была получена представительная серия лапчатых подвесок [8, рис. 6: 8–11]. Проведенное датирование по ^{14}C с применением метода «wiggle-matching» определило его возраст по древесине $3433 \pm 23 \text{ BP}$ (с вероятностью 82,5% (по 2 σ) – $1770\text{--}1660 \text{ cal BC}$; 9,8% – $1880\text{--}1840 \text{ cal BC}$; 3,1% – $1820\text{--}1790 \text{ cal BC}$) и по кости человека $3365 \pm 35 \text{ BP}$ (с вероятностью 85,1% (по 2 σ) – $1750\text{--}1600 \text{ cal BC}$; 10,3% – $1590\text{--}1530 \text{ cal BC}$) [8, табл. 1]. Таким образом, имеющийся суммарный интервал (с вероятностью более 80%) по двум датам составляет $1770\text{--}1600 \text{ cal BC}$ или начало XVIII–XVI вв. до н.э., что, собственно говоря, опровергает интерпретацию лапчатых подвесок на территории Урало-Казахстанского региона как исключительно карасукских или связанных с их воздействием, т.к., согласно современной радиоуглеродной хронологии, нижняя граница карасукской культуры не выходит за XIV в. до н.э. [25, с. 32–35].

Думается, будет верным ввиду вышеизложенных аргументов пересмотреть ранее постулируемые временные рамки, но принять осторожный и широкий интервал – первая половина II тыс. до н.э., который опирается на сопоставление с радиоуглеродной хронологией федоровской культуры [26, с. 145, рис. 2] и древностей кожумбердынского [27] и кульсайского типов [8, с. 115].

Резюмируя, по нашему мнению, в генезисе таутаринского типа участвовало 3 компонента: первый, руководящий, связан с носителями федоровской культуры и маркируется сосудами с округлым плечом, косой сеткой орнамента и узорами, выполненными зубчатым штампом, а также по кремации умерших и украшениям в виде серег с раструбом, браслетов с литыми спиралевидными рожками, и возможно, лапчатыми подвесками. Второй, кожумбердынский, отчетливо фиксируется во всех памятниках и выражается в наличии сосудов с уступчатым плечом с характерным орнаментом. Третий компонент, выявленный при исследовании комплекса памятников Шербай 1–3, указывает на среднеазиатские параллели, возможно, в Бактрийско-Маргианском археологическом комплексе или его северном варианте – сапаллинской культуре, что прослежено по конструкции могил (катакомбы, с кладкой из сырцовых кирпичей), керамике (кружка с ручкой, курильница вазовидной формы и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 1970. Вып. 122: Археологическое изучение Средней Азии. С. 37–43.
2. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
3. Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 37–55.
4. Смагулов Е.А., Баратов С.Р. Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан (Археологические работы в 2000 году на могильнике Шербай) // Отан тарихи. 2004. № 3–4. С. 75–88.
5. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
6. Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: Хикари, 2011. 220 с.
7. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутах I в Западном Казахстане. М.–Л.: АН СССР, 1962. 207 с.
8. Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 85–123.
9. Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.
10. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир медиа, 2001. 246 с.
11. Ковалев А.А., Самашев З.С., Сунгатай С. Исследования археологических памятников раннего периода бронзового века в Восточном Казахстане (1998–2000 годы) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чумарекский культурный феномен. СПб.: Лема, 2014. С. 9–147.
12. Ткачев А.А., Мерц В.К., Ткачева Н.А. Раскопки могильника Кенжеколь I в Павлодарском Прииртышье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2004. № 5. С. 302–305.
13. Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1961. Т. 12. С. 48–61.
14. Евдокимов В.В. Отчет об исследованиях талдинского отряда летом 1986 г. Караганда, 1987. 52 с.
15. Кадырбаев М.К. Археологические раскопки в Северном Прибалхашье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 107–122.
16. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
17. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
18. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
19. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН, 1991. 202 с.
20. Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25–45.
21. Аскаров А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.
22. Кукушкин И.А. Могильник Ащису. Курган с металлическим сосудом // Археология и история Сарыарки. Караганда, 2012. С. 63–80.
23. Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С., Елибаев Т.А., Бейсембаев Е.Е. Проведение научно-археологических исследований комплекса Нураталды (результаты полевых работ) // Сарыарканың тарихы мен археологиясы. Караганды, 2015. С. 135–141.
24. Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 85–92.
25. Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 20–56.
26. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 36–167.
27. Ткачев В.В. Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 68–77.

Статья публикуется при поддержке гранта МОН РК «Исследование социально-стратифицированных погребальных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы» (1344/ГФ4).

TAUTARIAN TYPE (GENESIS AND CHRONOLOGY)

© 2017

Dmitriev Evgeniy Anatolievich, junior researcher of Saryarka Archaeological Institute
Buketov Karaganda State University (Karaganda, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The processes of assimilation and integration between the Andronov community cultures, in spite of the long history of the study, is still of interest, connected with a whole range of problematic issues, one of which is the addition and chronological position of the Tautarin type known from the monuments of Southern Kazakhstan. At the present time, new materials have been accumulated during the field studies, which have made it possible to significantly expand the characterization of the type and question its traditional chronology as well as to consider the composition components and orientation of intercultural ties in more details.

Within the framework of this paper we have the results of the statistical analysis of the funeral rite and description of the objective world on the materials of 5 burial grounds (Tautary, Kiikty, Sherbay 1–3), which reflect the in-

teraction of three population groups: Fedorov (guiding), Kozhumberdinsky and Central Asian. Concerning the issue of dating, it is necessary to revise the previously proposed timeframes that do not correspond to the level of modern knowledge on the subject matter under study and adopt a cautious but wide time interval – the first half of the 2nd millennium BC, which is based on comparison with the modern radiocarbon chronology of Fedorov culture, antiquities of the Kozhumberdinsky and Kulsay types, as well as by analogies of the pendants in the dated complex of the Kyzylbulak I burial ground.

Keywords: South Kazakhstan; Middle Asia; Bronze Age; Tautarin type; Kozhumberdinsky type; Kulsay type; Fedorov culture; Bactrian-Margian Archaeological Complex; Syncretic complexes; Tautaries; Kiikty; Sherbay 1–3; Burial ground; Funeral rites; cremation; Corpuscule; Ceramic complex; Objective world.

УДК 93

Статья поступила в редакцию 20.09.2017

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВ ПРОТЕКТОРСТВА ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ НАД ЗЕМЛЯМИ ЛИВОНСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ

© 2017

Бессуднов Даниил Александрович, аспирант кафедры истории славянских и балканских стран
Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Аннотация. Начавшаяся в конце XV в. борьба за контроль Балтикой непосредственным образом затронула государства Ливонской конфедерации, поставив под угрозу перспективы её дальнейшего существования. Тем не менее, от прямого военного вторжения Ливония была защищена положением «крестоносного государства», находящегося под защитой папы римского и императора Священной Римской империи, и агрессия в её отношении означала также агрессию в отношении двух наиболее влиятельных политических институтов католической Европы. В целях расширения собственного влияния в Ливонии Ягеллоны воспользовались древним правом покровительства над Рижским архиепископством, которое утверждало польских королей и великих князей Литовских в статусе протекторов, законных исполнителей воли пап и императоров, что позволяло им вмешиваться во внутреннюю политику Ливонии при поддержании видимости сохранения их прерогатив. Однако данный политико-правовой концепт на протяжении своего существования претерпел ряд изменений под влиянием актуальной политической обстановки, в связи с чем интересную проблему представляет история его возникновения, изначальное содержание и последующая трансформация.

Ключевые слова: Ливония; Ливонская конфедерация; Ливонский орден; Рижская епархия; Корона Польская; Польша; королевство Польское; Великое княжество Литовское; ВКЛ; Витовт; Сигизмунд I; Сигизмунд II Август; Фромхольд Фюнфгаузен; Хеннинг Шарпенберг; Бернд фон дер Борх; Иоганн VII Бланкенфельд; Вольтер фон Плеттенберг.

Как известно, с конца XV в. Ливония стала объектом пристального внимания государей Дании, Швеции, Великого княжества Литовского, Короны Польской и Московского государства, которых привлекали её выгодное стратегическое положение, важная роль в международной балтийской торговле и богатые земельные ресурсы [1, с. 99–130; 2, с. 24–25; 3, с. 65–69, 78–79]. Однако возможности прямой вооруженной экспансии со стороны католических государств были немало ограничены статусом Ливонии как «крестоносного государства», которое со времен крестовых походов находилось в непосредственной зависимости от двух самых влиятельных политических институтов католической Европы – папы римского и Священной Римской империи германской нации [4, с. 61–75; 5, с. 373–401; 6, с. 47–63; 7, с. 101–126]. Весьма оригинальный способ обхода этого обстоятельства был использован правителями Польско-Литовского государства, которые применили особую форму политической экспансии, которая бы не нарушала или, по крайней мере, создавала видимость сохранения папских и императорских прерогатив и при этом позволяла им постулировать себя в качестве их законных исполнителей. Этому способствовал древний политико-правовой концепт, согласно которому они выступали в качестве протекторов и консерваторов государств Ливонской конфедерации. Он возник еще в XIV в., однако в полной мере оказался востребованным правителями Польско-Литов-

ского государства только в XVI в., когда Ливония превратилась в главный объект «битвы за Балтику», и в этой связи весьма интересную проблему представляют исторические корни и видоизменение этого политико-правового концепта от момента возникновения до его окончательного оформления.

При исследовании сущности явления протекторства следует иметь в виду, что Ливония не являлась единым государством, а представляла собой, что типично для Средневековья, совокупность государств-синьорий. Отдельные ливонские государства образовывали Ливонскую конфедерацию, которая в качестве объединяющего органа имела ландтаг [8, с. 9–21; 9, с. 152; 10, с. 55]. Её субъектами являлись государство Ливонского ордена, архиепископство Рижское, епископства Дерптское и Эзельское [11, с. 9–21]. С момента появления в ливонских землях Орден вёл борьбу с епископством за политическую гегемонию [3, с. 60–65; 12, с. 362–364; 13, с. 97–111; 14, с. 109–137], которая шла с переменным успехом вплоть до утраты Ливонией независимости [15, с. 32–39] и зачастую приводила к внутренним войнам [16, с. 128]. Многочисленные жалобы ливонских епископов на козни Ордена, адресованные папе и императору, в конце концов дали результат. 23 апреля 1366 г. была издана привилегия Карла IV, согласно которой, из-за географической удаленности Священной Римской империи от ливонских земель и «сильной занятости императора», по желанию Риж-